

Санкт-Петербургская
православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Н.И. Сагарда

**Святого
Григория Чудотворца,
епископа Неокессарийского,
«Переложение Екклесиаста»**

*Опубликовано:
Христианское чтение. 1913. № 4. С. 552-561.*

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия
(www.spbda.ru), 2009. Материал распространяется на основе
некоммерческой лицензии [Creative Commons 3.0](https://creativecommons.org/licenses/by/3.0/) с указанием
авторства без возможности изменений.

СПБДА
Санкт-Петербург
2009

Святаго Григорія Чудотворца, епископа Неокесарійскаго, „Переложеніе Екклесіаста“.

Μετάφρασις εἰς τὸν Ἐκκλησιαστὴν Σολομῶντος представляет собою сжатый пересказ Екклесіаста, въ основу котораго положенъ греческій текстъ LXX-ти. Авторъ этого переложенія священной книги ставитъ своей задачей установить внутреннее развитіе мыслей въ отдѣльныхъ положеніяхъ, которыя въ греческомъ переводѣ, соотвѣтственно стилистикѣ оригинальнаго языка, поставлены другъ подлѣ друга безъ всякой видимой связи. По своимъ размѣрамъ переложеніе немногимъ больше подлиннаго текста Екклесіаста. Какъ литературное произведеніе, этотъ [парафразъ цѣнится высоко. По замѣчанію В. Рисселя ¹⁾), авторъ сумѣлъ создать цѣльное, въ своемъ родѣ совершенное художественное произведеніе.

Почти всѣ извѣстныя донныѣ рукописи «Переложенія» усваиваютъ его св. Григорію Богослову; но уже въ нѣкоторыхъ древнихъ кодексахъ отмѣчено существованіе сомнѣнія въ принадлежности его этому отцу Церкви ²⁾). И дѣйствительно, древнія и очень опредѣленные свидѣтельства удостовѣряютъ, что авторомъ этого произведенія былъ св. Григорій, епископъ Неокесарійскій. Руфинъ, который въ свой переводъ Церковной Исторіи Евсевія вставилъ сравнительно по-

¹⁾ Gregorius Thaumaturgus. Sein Leben und seine Schriften. Leipzig 1880. S. 28. Ср. *Harnack Ad.*, Prof., Geschichte der altchristlichen Litteratur. II, 2. Leipzig 1904. S. 99.

²⁾ См. у *L. Allatius*, Diatriba de Theodori et eorum scriptis (Migne, PG. t. X, col. 1207); *Erw. Preuschen* у *Ad. Harnack*, Geschichte der altchristlichen Litteratur, I, 1. S. 430.

дробное сообщеніе о св. Григоріи Чудотворцѣ, утверждаетъ, что онъ блистательнѣе написалъ метафразъ на Екклесіастъ ¹⁾. Иеронимъ говоритъ, что Григорій Чудотворецъ написалъ краткій, но очень полезный метафразъ на Екклесіастъ ²⁾. Что Иеронимъ имѣетъ въ виду извѣстное въ настоящее время подъ этимъ именемъ произведеніе, объ этомъ ясно свидѣтельствуеетъ цитата въ его комментаріи на Екклесіастъ къ словамъ: лучше бѣдный, но умный юноша—въ IV гл., гдѣ онъ опредѣленно говоритъ, что она взята изъ метафраза Григорія, епископа Неокесарійскаго. Въ виду этихъ рѣшительныхъ свидѣтельствъ принадлежность разсматриваемаго «Переложенія» св. Григорію Чудотворцу въ настоящее время считается безспорною.

Для предлагаемаго перевода греческій текстъ взять у Миня (PG. t. X, col. 987—1018).

I.

Такъ говоритъ Соломонъ, сынъ Давида царя и пророка, славнѣйшій предъ всѣми людьми царь и мудрѣйшій пророкъ, всей церкви Божіей: какъ суетны и бесполезны дѣла и стремленія людей, [вообще] все человѣческое. Ибо никто не можетъ сказать, что какая-нибудь польза соединена съ тѣмъ, что люди, ползающіе по землѣ, и душой и тѣломъ спѣшатъ совершить, всецѣло подчинившись временному, даже не желая хотя сколько-нибудь посмотрѣть благороднымъ окомъ души выше звѣздъ. И истрачивается человѣческая жизнь день за днемъ, и круговращенія временъ года и годовъ, опредѣленные теченія солнца, когда они то приходятъ, то незамѣтно уходятъ. Это подобно прохожденію бурныхъ потоковъ, съ великимъ шумомъ низвергающихся въ неизмѣримую бездну моря. И то, что ради людей произошло отъ Бога, остается тѣмъ же, какъ напримѣръ, то, что отъ земли раждаются, что въ землю уходятъ, что земля остается тою же, что солнце, обойдя всю

¹⁾ VII, 25: in Ecclesiasten namque metaphrasin idem Gregorius magnificentissime scripsit.

²⁾ De vir. ill. c. 65: scripsit et metaphrasin in Ecclesiasten, brevem qui dem, sed valde utilem.

³⁾ Comm. in Eccles. 4: vir sanctus Grerorius, Ponti episcopus, Origenis auditor, in Metaphrasi Ecclesiastae ita hunc locum intellexit: Ego vero praefero etc.

ее, снова возвращается къ тому же предѣлу, такимъ же образомъ и вѣтры, и что рѣки въ такомъ количествѣ изливаются въ море и набѣгающіе вѣтры не заставляютъ его преступить опредѣленной ему мѣры, и сами не нарушаютъ законовъ. И именно, такъ устроено то, что служитъ намъ для этой жизни. Но то, что изобрѣтено людьми, какъ рѣчи, такъ и дѣла, не имѣетъ мѣры. И словъ, конечно, большое изобиліе, пользы же никакой отъ сбившейся съ пути болтовни. Но природа людей ненасытна какъ въ томъ, чтобы говорить, такъ и въ томъ, чтобы слушать рѣчи другого и къ тому же еще стремиться видѣть безразсудными глазами все, что встрѣчается. Что можетъ произойти впоследствии, что уже не было бы совершено или сдѣлано со стороны людей? Что есть новаго, что еще никогда не было бы извѣстно по опыту, о чемъ достойно было бы и помнить? Я же думаю, что нѣтъ ничего, о чемъ можно было бы сказать что нибудь свѣжее, или же, сравнивши, найти новое, совершенно неизвѣстное древнимъ. Но подобно тому, какъ прошлое покрыто забвеніемъ, такъ и настоящее для тѣхъ, кто будетъ послѣ, затемнится отъ времени. И, проповѣдуя нынѣ это, я не поступаю опрометчиво, — нѣтъ, у меня, которому ввѣрено царство Евреевъ въ Иерусалимѣ, все достаточно продумано. Тщательно же изслѣдовавши и мудро испытавши всю природу на землѣ, я позналъ, что она очень лукава, потому что человѣку дано нести тяготу на землѣ, когда онъ то подъ тѣмъ, то подъ инымъ предлогомъ труда вращается въ томъ, что не имѣетъ никакой цѣны. Все же то, что находится долу, наполнено страннымъ и сквернымъ духомъ, такъ что его нельзя возстановить, но даже невозможно совершенно и мыслями объять, сколь великое безразсудство овладѣло человѣческими дѣлами. Я поразмыслилъ нѣкогда съ самимъ собою и подумалъ, что я мудрѣе всѣхъ бывшихъ здѣсь прежде меня: я позналъ, что я разумѣю какъ притчи, такъ и природу вещей. Но, — думалъ я, — напрасно направлять [свою мысль] на это, и какъ за мудростью слѣдуетъ знаніе, такъ и знаніе сопрождаютъ страданія.

II.

Такимъ образомъ, помысливши, что это такъ обстоитъ, я рѣшилъ обратиться къ другому роду жизни, предаться наслажденію и испытать разнообразныя удовольствія. Нынѣ же я появляю, что все подобное — суета. И я сдержалъ безразсудно

несуційся смѣхъ, удовольствіе же принудилъ къ умѣренности, сильно ускоривши его. Размысливши же, что душа въ состояніи удержать тѣлесное естество, опьяненное и растекающееся подобно вину, и что воздержаніе поработаетъ себѣ похоть, я рѣшилъ постигнуть, что нѣкогда предназначено было для людей важнаго и поистинѣ прекраснаго, которое они должны совершить въ этой жизни. Ибо я испыталъ все прочее, что считается достойнымъ удивленія, именно сооруже-нія высочайшихъ домовъ и насажденія виноградниковъ, къ тому же еще устройство садовъ, обладаніе и уходъ за разнообразными плодоносными деревьями; тамъ устроены были и огромные водоемы для вмѣстилища водъ, предназначенныхъ для обильнаго орошенія деревьевъ. Приобрѣлъ же я себѣ множество домочадцевъ, рабовъ и рабынь; однихъ купилъ отъиць, другими пользовался какъ родившимися у меня. Въ моемъ обладаніи были стада четвероногихъ животныхъ, много стадъ рогатаго скота и много овецъ—больше, чѣмъ у кого-либо изъ древнихъ. Сокровища золота и серебра притекали ко мнѣ, такъ какъ я заставилъ царей всѣхъ [сосѣднихъ народовъ] приносить мнѣ дары и платить дань. Составлены были для моего услажденія многочисленныя хоры мужинъ и вмѣстѣ женщинъ, весьма стройно исполняющихъ пѣсни. Къ этого рода удовольствіямъ я присоединилъ пиры и виночерпівъ, выбранныхъ изъ людей обоого пола; я даже не могъ бы исчислить, — настолько я превосходилъ ими царствовавшихъ прежде меня въ Іерусалимѣ. Отсюда [въ результатѣ] получилось, что мудрость у меня уменьшалась, возрастало же недоброе пожеланіе. Предоставивши свободу всякому оболъщенію глазъ и необузданнымъ порывамъ сердца, отовсюду вторгающимся, я отдался надеждамъ на удовольствія; и свою волю я привязалъ ко всякимъ жалкимъ наслажденіямъ. Такимъ образомъ мои мысли дошли до такого несчастнаго состоянія, что я думалъ, что это—прекрасно, а это мнѣ надлежитъ совершить. Наконецъ, отрезвившись и прозрѣвши, я понялъ, что то, чѣмъ я былъ занятъ, жалко и вмѣстѣ съ тѣмъ очень пагубно, дѣйствіе не добраго духа. Ибо ничто рѣшительно, что бы ни избирали люди въ настоящее время, по здравомъ разсужденіи не представляется мнѣ заслуживающимъ одобренія и усиленнаго домогательства. Поэтому, мысленно сопоставивши блага мудрости и зло неразумія, я по справедливости съ большимъ почтеніемъ отнесся бы къ тому человѣку, который [раньше] безразсудно увлекался бы, а по-

томъ, овладѣвши собою, возвратился бы къ своему долгу. Ибо разстояніе между благоразуміемъ и безразсудствомъ большое, и различіе между обоими такъ же велико, какъ между днемъ и ночью. Посему тотъ, кто избралъ добродѣтель, подобенъ тому, кто открыто и сверху смотритъ на каждую вещь и путь свой совершаетъ во время яснѣйшаго свѣта, кто же, напротивъ, погрязъ во злѣ и во всякаго рода заблужденіяхъ, [тотъ подобенъ] тому, кто блуждаетъ какъ бы въ безлунной ночи, будучи слѣпымъ по виду и тьмою лишеннымъ дѣятельности. Наконецъ же, помывшись о томъ, какое различіе между тѣмъ и другимъ изъ этихъ родовъ жизни, я не нашелъ никакого и, какъ самъ сдѣлавшій себя сообщникомъ неразумныхъ, я приму плату за неразуміе. Ибо какое благо или въ тѣхъ хитроумныхъ доводахъ, или какая польза отъ многихъ рѣчей, гдѣ потоки болтовни быстро устремляются изъ неразумія, какъ изъ источника? У мудраго и неразумнаго нѣтъ ничего общаго ни по памяти у людей, ни по воздаянію отъ Бога. Дѣла же человѣческія, когда кажется, что они еще только начинаются, уже всѣхъ ихъ постигаетъ конецъ. Мудрый же никогда не имѣетъ одинаковаго конца съ глупымъ. Поэтому я возненавидѣлъ и всю свою жизнь, истраченную на пустыя дѣла, которую провелъ, сильно прилѣпившись къ земнымъ трудамъ. Ибо, чтобы сказать кратко, все достигнуто мною съ большимъ трудомъ, будучи дѣломъ неразумнаго стремленія; и другой кто-нибудь — мудрый ли, или глупый — унаслѣдуетъ суетные плоды моихъ трудовъ. Когда я далъ себѣ въ этомъ отчетъ и отвергъ, для меня выяснилось истинно благое, предназначенное человеку, именно познаніе мудрости и пріобрѣтеніе мужества. Если же кто не заботился объ этомъ и увлекался желаніемъ другого, таковой предпочелъ лукавое доброду, стремился къ порочности вмѣсто честности, и къ тяжелому труду вмѣсто покоя, влекомый туда и сюда разнообразными тревогами, ночью и днемъ всегда мучимый какъ неотложными трудами тѣлесными, такъ и непрерывными заботами души, такъ какъ у него сердце трепещетъ изъ-за безсмысленныхъ дѣлъ. Ибо совершенное благо состоитъ не въ пищѣ и питьѣ, — хотя и пища прежде всего происходитъ отъ Бога, ибо ничто изъ подаваемого для нашего благосостоянія не существуетъ безъ Его промышленія. Но благой мужъ, получившій мудрость отъ Бога, достигъ небесной радости. Напротивъ же, лукавый, поражаемый ниспосланными отъ Бога бѣдствіями, болѣющий корыстолюбіемъ, стре-

мится собрать много, и спѣшить предъ лицомъ Владыки всѣхъ надругаться надъ тѣмъ, кого Богъ почтилъ, предлагая [ему] нечестивые дары, осуществляя этимъ коварныя и вмѣстѣ суетныя стремленія своей несчастной души.

III.

Нынѣшнее же время я полно всякихъ противоположностей—рожденія, потомъ смерти, насажденія растений, потомъ исторганія, испѣлений и убійствъ, созиданія и разрушенія, плача и смѣха, рыданія и ликованія. Нынѣ собираешь плоды съ земли, нынѣ же и выбрасываешь; и то безумно стремишься къ женшинѣ, то чувствуешь отвращеніе къ ней. Сейчасъ только нашель что-либо и нынѣ же потерялъ; только что хранилъ и тотчасъ же выбросилъ; то убивалъ, то самъ убитъ; говорилъ, потомъ замолчалъ, любилъ, потомъ возненавидѣлъ. Ибо дѣла человѣческія то борются между собою, то примиряются, и отличаются такимъ непостоянствомъ, что то, что казалось добрымъ, въ скоромъ времени измѣняется въ признаваемое всѣми дурнымъ. Поэтому, прекратимъ напрасные труды. Ибо все это, какъ мнѣ кажется, назначено для того, чтобы отравленными бичами приводить людей въ неистовство. Но нѣкій лукавый, уловляющій удобное время, раскрылъ свою пасть на нынѣшній вѣкъ, употребляя чрезвычайныя усилія, чтобы разрушить созданіе Божіе, рѣшивъ отъ начала и до конца враждовать съ нимъ. Итакъ, я убѣдился, что веселіе и дѣланіе добра—величайшее благо для человѣка, и что, конечно, и это временное наслажденіе приходитъ только отъ Бога, если дѣлами управляетъ справедливость. Отъ вѣчныхъ же и нетлѣнныхъ дѣлъ, которыя Богъ твердо опредѣлилъ, невозможно ни отнять чего-либо, ни прибавить. Посему для всякаго, кто бы онъ ни былъ, они страшны и вмѣстѣ съ тѣмъ достойны удивленія. И то, что уже было, пребываетъ, а то, что будетъ, уже по предвѣднїю было. А тотъ, кого несправедливо обижаютъ, въ Богѣ имѣетъ помощника. Далѣе, видѣлъ я въ преисподней бездну мученія, ожидающую нечестивыхъ; благочестивымъ же оставлено другое мѣсто. Также помыслилъ я въ себѣ, что у Бога все одинаково — быть почитаемымъ и судимымъ, что одно и то же—праведные и неправедные, разумныя существа и неразумныя. Ибо всѣмъ одинаково отмѣрено время и угрожаетъ смерть, одно и то же у Бога — скоты и люди; они различаются между собою только членораздѣльностью рѣчи,—

все же [остальное] у нихъ одинаково, и смерть приходитъ на остальныхъ животныхъ не больше, чѣмъ и на людей. Ибо у всѣхъ одинаковый духъ, и ничего больше нѣтъ въ людяхъ, но все, однимъ словомъ, суета, отъ одной и той же земли получаетъ свой составъ и въ ту же землю разрѣшится. Ибо неизвѣстно относительно человѣческихъ душъ, восходятъ ли онѣ вверхъ, и относительно остальныхъ [душъ], которыя получили неразумныя [животныя], разсѣются ли онѣ внизу. И, какъ мнѣ кажется, нѣтъ никакого другого блага, кромѣ наслажденія и пользованія настоящимъ. Ибо, какъ я подумаль, невозможно возвратиться къ пользованію этимъ, когда человѣкъ [уже] однажды вкусилъ смерть.

IV.

Обратившись отъ всѣхъ этихъ мыслей, я разсудилъ и отъ-вратился отъ всякой клеветы, блуждающей среди людей, изъ-за которой несправедливо угнетаемые проливаютъ слезы и стенаютъ, насильно отвергаемые, когда со всѣхъ сторонъ охватываетъ ихъ совершенное отсутствіе помогающихъ или вообще утѣшающихъ. Насильники же поднимаются въ высоту, съ которой и упадутъ. Изъ неправедныхъ же и наглыхъ умершіе оказались въ лучшемъ состояніи по сравненію съ живущими допынѣ. Предпочтительнѣе же этихъ обоихъ тотъ, кто будетъ подобенъ имъ, но еще не произошелъ, потому что онъ еще не коснулся человѣческаго лукавства. Также мнѣ сдѣлалось яснымъ, и какая зависть со стороны ближнихъ слѣдуетъ за мужемъ,—это жало лукаваго духа; и что тотъ, кто воспринялъ ее въ себя и ею какъ панциремъ облеченъ, ничего другого не знаетъ, какъ чтобы снѣдать свою душу и распиливать и истрачивать вмѣстѣ съ тѣломъ, почитая для себя благосостояніе другихъ безутѣшною печалью. Но мужъ благоразумный предпочелъ бы наполнить одну руку отдыхомъ и покоемъ, чѣмъ обѣ руки трудомъ и хитростью коварнаго духа. Есть же нѣчто и иное, что, какъ я знаю, случается съ мужемъ, вопреки тому, что должно было бы быть, вслѣдствіе недобраго произволенія. Онъ во всѣхъ отношеніяхъ одинокъ и не имѣетъ ни брата, ни сына, а избилуетъ многими сокровищами, всецѣло преданъ ненасытному желанію и совершенно не хочетъ какимъ-либо образомъ отдаться благодѣннѣ. Посему я охотно спросилъ бы его, ради чего таковой изнуряетъ себя трудомъ, безъ оглядки убѣгаетъ отъ того, чтобы сдѣлать что-либо доброе, и чрезвы-

чайно занять разнообразными пожеланіями какого-либо стяжанія. Гораздо лучше его тѣ, которые вступили въ общеніе совмѣстной жизни, изъ котораго могутъ получить наилучшіе плоды. Ибо когда два мужа честно занимаются одними и тѣми же дѣлами, то, если даже съ однимъ изъ нихъ и приключится что-либо, однако не малую поддержку онъ имѣетъ въ лицѣ своего сообщника. Величайшее же горе человѣку, который терпитъ неудачу и у котораго нѣтъ того, кто бы поднялъ его. Напротивъ же, живущіе вмѣстѣ и успѣхъ себѣ удвоили и ненастье неприятныхъ обстоятельствъ облегчили; такъ что и днемъ блистаютъ взаимнымъ довѣріемъ, и ночью возвеличиваются радостью. А тотъ, кто влачитъ жизнь безъ общенія съ людьми, проводитъ ужасную для него самую жизнь, не понимая, что если бы даже кто и напалъ на людей сплотившихся, то онъ замышляетъ дерзко и небезопасно, и что веревка втрое сплетенная обыкновенно не легко разрывается. Я же предпочитаю юношу бѣднаго, но благоразумнаго, старому, но неразумному царю, котораго не озабочиваетъ мысль, что возможно, что кто-либо изъ находящихся въ темницѣ будетъ поставленъ на царство, и что самъ же онъ потомъ справедливо можетъ быть лишень неправеднаго владычества. Ибо случается, что тѣ, которые находятся подъ властью молодого, но разумнаго, безпечальны, именно всѣ старшіе по возрасту ¹⁾. Ибо родившіеся потомъ, вслѣдствіе того, что по опыту не знаютъ другого, и этого не могутъ хвалить и руководятся необдуманнми рѣшеніями и побужденіями враждебнаго духа. Проповѣдуя же, имѣй въ виду, право проходить свою собственную жизнь, а за неразумныхъ молиться, чтобы достигли разумѣнія и избѣгали совершенія дурного.

У.

Прекрасно быть воздержнымъ на языкъ и въ усердіи къ рѣчамъ имѣть уравновѣшенное сердце. Ибо не слѣдуетъ необдуманно пользоваться рѣчами, [не смущаясь тѣмъ] если онѣ [даже] нелѣпы, или произносить голосомъ то, что пришло на умъ, но помышлять о томъ, что хотя мы и далеко отстоимъ отъ неба, однако необходимо знать, что Богъ слышитъ наши рѣчи, и что полезно говорить не опрометчиво. Какъ за разнообразными заботами души слѣдуютъ всяческія сновидѣнія, такъ и съ безразсудствомъ связана пустая болтовня. Далѣе, объѣтъ, данный

¹⁾ Т. е. знакомые съ характеромъ управленія стараго царя.

въ молитвѣ, пусть [у тебя] получаетъ исполненіе на дѣлѣ. Безумнымъ свойственно быть отверженными; ты же будь правдивымъ, зная, насколько лучше тебѣ не обѣщать и не братья что-нибудь одѣлать, чѣмъ, давши обѣтъ, потомъ оставить безъ исполненія. Должно же всячески избѣгать потока постыдныхъ словъ, въ томъ убѣжденіи, что ихъ услышитъ Богъ. Ибо для того, кто помышляетъ такъ, ничего больше не остается, какъ чувствовать, что дѣла его разрушаются Богомъ. Ибо подобно тому, какъ сны; если ихъ много, пустые, такъ и многія рѣчи. Страхъ же Божій спасителенъ для людей, но онъ рѣдко обнаруживается. Поэтому не должно удивляться, видя, что на бѣдныхъ клеветуютъ, что судьи выносятъ неправильныя рѣшенія. Должно же, далѣе, отвращаться отъ того, чтобы не казаться большими тѣхъ, которые обладаютъ большею властью. Ибо если бы даже это и случилось, однако отъ грядущихъ для тебя опасностей не спасетъ тебя и самое лукавство. Но какъ имущество, добытое грабежемъ, весьма пагубно и преступно, такъ и въ мужѣ, жадномъ къ деньгамъ, не бываетъ насыщенія и не является благорасположенія къ ближнимъ, хотя бы еще приобрѣлъ чрезвычайно много сребра. Ибо это суета. Благость же весьма радуется вступившихъ въ союзъ съ нею, дѣлаетъ мужественными, подавая способность понимать каждую вещь. Но важно не прилѣпляться и къ такого рода заботамъ. Бѣдный, хотя бы онъ былъ и рабъ, и не переполнялъ своего чрева, однако пользуется пріятнымъ отдыхомъ во снѣ. Сильное же желаніе богатства соединено съ бессонницей и томленіемъ души. Что же можетъ быть бессмысленнѣе того, какъ, накопляя съ большимъ стараніемъ и заботою богатство, сохранять его, сберегая тѣмъ для самого себя поводъ къ тысячамъ золъ. И этому богатству суждено нѣкогда погибнуть и разрушиться, будутъ ли у приобрѣтшаго его дѣти или нѣтъ; самому же [богатому], если бы даже и не хотѣлъ, надлежитъ сойти въ землю и умереть такимъ, какимъ нѣкогда явился въ бытіе. Такимъ образомъ, имѣя отойти съ пустыми руками, онъ будетъ увеличивать свою порочность, какъ будто не помышляя о томъ, что ему предлежитъ конецъ, подобный рожденію, и что онъ напрасно трудится, болѣе для порыва вѣтра, чѣмъ удовлетворяя своему собственному усердію, истрачивая всю свою жизнь въ нечестивѣйшихъ пожеланіяхъ и въ неразумныхъ стремленіяхъ, къ тому же еще въ печаляхъ и въ болѣзняхъ. И, коротко сказать, для такого человека дни — мракъ, а жизнь — скорбь. Но вотъ что благо и не

должно быть отвергнуто: Божій даръ есть то, что человѣкъ можетъ въ радости наслаждаться своими трудами, принявши Богомъ данныя, а не похищенные сокровища. Ибо онъ именно и печалями не болѣетъ и не рабствуетъ какъ можно больше лукавымъ помышленіямъ, но измѣряетъ свою жизнь благодѣянiami, будучи благорасположенъ ко всѣмъ, и радуется дару Божию.

VI.

Я подхожу своею рѣчью къ несчастью, наиболѣе имѣющему силы надъ человѣкомъ. Допустимъ, Богъ въ изобиліи доставилъ ему все пріятное его сердцу и не лишилъ его рѣшительно ничего изъ того, чего бы онъ ни пожелалъ: ни богатства, ни славы, ни всего прочаго, къ чему люди жадно стремятся; онъ же, удовлетворенный всѣмъ, мучится какъ будто однимъ только бѣдствіемъ, ниспосланнымъ Богомъ, именно тѣмъ, что не пользуется [этимъ], сберегаетъ для чужого ему [человѣка], умирая безплоднымъ и для себя и для другихъ. Это я почитаю важнымъ доказательствомъ и очевиднымъ изобличеніемъ чрезмѣрной испорченности. Въ самомъ дѣлѣ, тому мужу, который неукоризненно названъ отцомъ очень многихъ дѣтей и жилъ продолжительное время, но за такое время не насытилъ души своей благодію, не испыталъ смерти,—этому мужу я не позавидовалъ бы ни въ многочадіи, ни въ долгоденствіи, и предпочитаю ему зародышъ, преждевременно вышедшій изъ матерней утробы. Ибо этотъ какъ пришелъ напрасно, такъ и уходитъ незамѣтно въ забвеніи, не коснувшись зла, даже не увидѣвши солнца. Это покойнѣе, чѣмъ лукавому, хотя бы онъ тысячами лѣтъ измѣрялъ свою жизнь, но не позналъ благодіи. Конецъ же для обоихъ смерть. Впрочемъ, неразумный изобличается особенно тѣмъ, что не получаетъ удовлетворенія никакому пожеланію. Мудрый же не подверженъ этимъ страданіямъ. Однако по большей части случается, что праведность жизни ведетъ человѣка къ бѣдности. Многихъ же лишаютъ разсудка предметы, привлекающіе вниманіе похотливыхъ глазъ, которые возбуждаютъ душу и чрезъ пустое пожеланіе видѣть влекутъ къ бесполезному занятію. Но во всякомъ случаѣ, что теперь произошло, то уже извѣстно, и ясно, что человѣкъ не въ состояніи противостоятъ тому, что выше его. Впрочемъ, пустыя рѣчи обращаются противъ людей, увеличивая безуміе пользующихся ими *).

*) Окончаніе слѣдуетъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия — высшее учебное заведение Русской Православной Церкви, готовящее священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений, специалистов в области богословских и церковных наук. Учебные подразделения: академия, семинария, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта — ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта — проректор по научно-богословской работе священник Димитрий Юревич. Материалы журнала готовятся в формате pdf, распространяются на DVD-дисках и размещаются на академическом интернет-сайте.

На сайте академии
www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки